

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе»

Обучающийся

А.Ф. Загидулина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, О.Е. Репетева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Исследование посвящено изучению правоотношений, складывающихся по поводу привлечения лица в качестве подозреваемого в уголовном судопроизводстве, а также реализации им своего правового статуса. Актуальность темы исследования обусловлена тем обстоятельством, что статусу подозреваемого в уголовном процессе характерен ряд проблемных аспектов. К их числу мы можем отнести сложности при определении момента возникновения и прекращения данного статуса, отсутствие единого перечня обязанностей подозреваемого, проблемы реализации права на бесплатную помощь переводчика, а также ряд иных вопросов, которые будут затронуты в рамках данной работы.

Цель работы заключается в выявлении актуальных проблем в процессе привлечения лица в качестве подозреваемого в уголовном судопроизводстве, а также реализации им своего правового статуса. Для достижения указанной цели мы выполнили следующие задачи: рассмотрели историю становления и развития регламентации правового статуса подозреваемого в отечественном уголовном процессе; проанализировали понятие «подозреваемый» и его признаки; охарактеризовали основания возникновения статуса подозреваемого; ознакомились с процессуальной регламентацией приобретения статуса подозреваемого; проанализировали права и обязанности подозреваемого; выявили актуальные проблемы реализации правового статуса подозреваемого.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Основы статуса подозреваемого как участника уголовного процесса .	6
1.1 История становления статуса подозреваемого в отечественном уголовном судопроизводстве	6
1.2 Понятие и признаки подозреваемого в уголовном судопроизводстве	13
Глава 2 Правовой статус подозреваемого в уголовном судопроизводстве и основания его возникновения.....	17
2.1 Основания возникновения статуса подозреваемого	17
2.2 Процессуальная регламентация приобретения статуса подозреваемого	25
2.3 Права и обязанности подозреваемого в отечественном уголовном процессе	29
Глава 3 Актуальные проблемы правового статуса подозреваемого в отечественном уголовном судопроизводстве и предложения по их разрешению	38
Заключение	43
Список используемой литературы и используемых источников	45

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем обстоятельством, что статусу подозреваемого в уголовном процессе характерен ряд проблемных аспектов. К их числу мы можем отнести сложности при определении момента возникновения и прекращения данного статуса, отсутствие единого перечня обязанностей подозреваемого, проблемы реализации права на бесплатную помощь переводчика, а также ряд иных вопросов, которые будут затронуты в рамках данной работы.

Объект исследования – система правоотношений, складывающихся по поводу привлечения лица в качестве подозреваемого в уголовном судопроизводстве, а также реализации им своего правового статуса.

Предмет исследования – проблемы теоретического и практического характера, возникающие в процессе привлечения лица в качестве подозреваемого в уголовном судопроизводстве, а также реализации им своего правового статуса.

Цель работы заключается в выявлении актуальных проблем в процессе привлечения лица в качестве подозреваемого в уголовном судопроизводстве, а также реализации им своего правового статуса.

Определив цель исследования, мы можем обозначить ряд задач, решение которых необходимо для ее достижения:

- рассмотреть историю становления и развития регламентации правового статуса подозреваемого в отечественном уголовном процессе;
- проанализировать понятие «подозреваемый» и его признаки;
- охарактеризовать основания возникновения статуса подозреваемого;
- ознакомиться с процессуальной регламентацией приобретения статуса подозреваемого;
- проанализировать права и обязанности подозреваемого;

- выявить актуальные проблемы реализации правового статуса подозреваемого.

Методологическую основу данного исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы. В группу общенаучных методов познания входят: синтез, анализ, сравнение, дедукция, индукция, диалектический метод. В группу используемых частнонаучных методов входят: историко-правовой метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод правовой статистики.

Теоретическую основу исследования составили работы следующих ученых-юристов: И.М. Абазалиев, О.Д. Вастьянова, В.С. Ганага, В.В. Демирчян, Т.Д. Дудоров, А.С. Есина, Э.Ф. Закирова, Р.Д. Кожоназаров, А.А. Козлова, А.В. Козодаев, Н.В. Осодоева, Е.Н. Петухов, Б.В. Пимонов, С.Б. Россинский, Т.А. Самсонова, А.И. Саперов, А.Ю. Сатанина, И.В. Смолькова, Е.В. Сопнева, Е.В. Сопнева, С.А. Яковлева.

Нормативную основу исследования составляет действующее уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее вопросы правового статуса подозреваемого.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Основы статуса подозреваемого как участника уголовного процесса

1.1 История становления статуса подозреваемого в отечественном уголовном судопроизводстве

Традиционно, осуществляя исторический анализ становления и развития той или иной юридической категории, выделяют три этапа: дореволюционный этап, советский этап, современный этап. Наиболее масштабным является дореволюционный этап, поскольку он охватывает наиболее продолжительный промежуток времени. В большинстве работ, посвященных историческому анализу статуса подозреваемого, заявлено, что формирование института подозреваемого произошло в 19 веке. Однако, в ходе анализа научной литературы встречается авторская позиция, по смыслу которой предпосылки формирования института подозреваемого начались еще в Русской Правде. «Что касается понятия подозреваемый, то Русская правда также содержит словоформы, схожие по сущности со словом подозрение. В п. 87 говорится: «Аже иметь на желШзо по свободныхъ людии рШчи, либо ли запа на нь будеть...», что в переводе означает «А если привлекают на испытание железом по показаниям свободных людей, или подозрение на нем будет». Тем самым запа означало не что иное как подозрение» [1, с. 47]. Хотя законодатель того времени и упоминал подозреваемого, мы не можем говорить о том, что это была отдельная «процессуальная фигура». Уголовный процесс того времени имел ярко-выраженный обвинительный характер. Бремя доказывания невиновности возлагалось на самого подозреваемого и обвиняемого. Кроме того, зачастую в официальных документах подозреваемый именовался тать, душегуб и так далее, исходя из характера преступного деяния, которое ему вменялось. То есть, фактически лицо считалось не подозреваемым, а виновным в совершении преступления, до момента, пока в ходе процесса им не будет доказано иное.

Полноценно в качестве самостоятельного участника уголовного процесса подозреваемый появился после принятия Указа «Об учреждении судебных следователей» 1860 года. В рамках данного документа предусматривался перечень оснований, наличие которых позволяло признать лицо подозреваемым. Подозреваемым считалось лицо, «захваченное на месте совершения преступления; когда преступление совершено явно и гласно; в случае, если очевидцы преступления прямо укажут на лицо, совершившее преступление; в случае обнаружения на подозреваемом, или в его жилище очевидных следов преступления или вещественных доказательств; в случае, если подозреваемый совершил покушение на побег или был пойман после побега» [6, с. 195]. Стоит отметить, что указанная норма имела весьма прогрессивный характер и заложила основы возникновения статуса подозреваемого. В подтверждение данному факту можем отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит весьма схожее по своему содержанию положение, отражающее основания задержания подозреваемого.

В дальнейшем указанные положения будут использованы в тексте Устава уголовного судопроизводства 1864 года. В рамках данного документа законодатель отдельно использует понятия «подозреваемый» и «обвиняемый». Например, в пункте третьем статьи 289 указано следующее: «когда в его участке имеет пребывание обвиняемый или подозреваемый в преступном деянии, хотя бы оно было совершено в ином месте» [32]. То есть, формально законодатель разделяет данные понятия. При этом понятия используются как взаимозаменяемые, что указывает на отсутствие их практического разграничения. Например, статья 407 выглядела следующим образом: «Каждый обвиняемый допрашивается порознь, с принятием меры, чтобы подозреваемые в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой» [32]. Также можно обратить внимание на формулировку статьи 463. «Сверх того как обвиняемому, так и противной стороне предоставляется отвесь не более двух окольных людей без объяснения причин подозрения»

[32]. Исходя из приведенных формулировок, мы видим, что законодатель использует понятие подозрение в отношении обвиняемого, либо может использовать их в одном предложении в отношении одних и тех же лиц. Соответственно, на данном этапе законодатель, хотя формально и использовал два разных определения, но не разделял их фактически.

«Различие между подозреваемым и обвиняемым, тем не менее, было установлено определением Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23 марта 1898 года. В нем разъяснялось, что не только приводу, но даже и призыву лиц, на которых падает подозрение в совершении преступного деяния, должен предшествовать судопроизводственный акт, коим означенное лицо по обстоятельствам дела признается обвиняемым, а именно: постановление судебного следователя о привлечении этого лица в качестве обвиняемого» [29, с. 75]. В рамках данного документа законодатель предпринял попытку разграничить подозреваемого и обвиняемого, определив необходимость вынесения специального процессуального документа в отношении последнего. Однако, какой-либо четкой грани проведено не было: не было закрепления отдельных понятий, не были отражены признаки этих понятий, отсутствовала конкретика в рамках регламентации их правового статуса.

В целом можно отметить, что в рамках дореволюционного этапа законодатель не уделял внимания оформлению процессуального статуса подозреваемого. Конкретные упоминания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве начались в 19 веке. Однако, в большей степени нормативно-правовые акты в данный исторический период ограничивались простым упоминанием данного понятия. Более того, в отдельных случаях законодатель использовал понятия подозреваемый и обвиняемый в качестве взаимозаменяемых. В целом мы делаем вывод, что на данном этапе были заложены некоторые предпосылки формирования института подозреваемого. Но говорить о наличии норм, свидетельствующих о самостоятельности статуса подозреваемого, мы не можем.

Переход от дореволюционного этапа к советскому обусловлен тем, что в ходе прошедших революционных событий руководство страны изменилось. Это привело к радикальному изменению политического и идеологического курса. Законодательство, разработанное в период монархии, утратило силу, поскольку не соответствовало новым провозглашенным ценностям. В связи с этим началась постепенная разработка обновленного отечественного законодательства.

Перед советским законодателем стояла непростая задача – за короткий промежуток времени принять ряд нормативно-правовых актов, которые смогли бы регулировать наиболее важные сферы жизни общества. На данном этапе мы также не можем говорить о едином статусе подозреваемого в силу того, что законодательство имело разобщенный характер. Однако, мы можем встретить отдельные упоминания о подозреваемом в отдельных документах. Так, в Постановлении Народных Комиссариатов по Внутренним делам и Юстиции «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции» указывалось следующее: «Выполнение поручений судебных и следственных органов по задержанию и доставке в суд или для допроса – обвиняемых, задержание подозреваемых в преступлениях и препровождение их в...» [21]. Соответственно, законодатель признавал статус подозреваемого, а также дифференцировал понятия подозреваемый и обвиняемый.

Многочисленность постановлений и декретов привело к неоправданному расширению нормативно-правовой базы, а также противоречию отдельных норм друг другу. Все это привело к необходимости систематизировать законодательство, дабы устранить возникшие противоречия и заполнить пробелы в рамках регулирования отдельных вопросов.

Первый Уголовно-процессуальный кодекс 1922 года не содержал каких-либо конкретных положений относительно статуса подозреваемого. На смену ему пришел более проработанный документ – Уголовно-процессуальный кодекс 1923 года. В нем мы можем наблюдать упоминание понятия

«подозреваемый». В первую очередь необходимо отметить, что законодатель не разработал, хотя и неоднократно использовал в тексте, определение понятия подозреваемый. Кроме того, законодатель начал разделять статус подозреваемого и обвиняемого. Так, в статье 116 было указано следующее: «Предварительное следствие должно быть закончено в течение двух месяцев со дня объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого» [20]. В свою очередь статья 102 позволяла лицам, уполномоченным вести расследование, принимать решение об избрании меры пресечения по результатам допроса подозреваемого. В последствии это стало устоявшейся практикой, когда лицо первоначально допрашивается в качестве подозреваемого, после чего принималось решение о подтверждении или опровержении обвинения. Если подозрение подтверждалось, то лицо привлекалось в качестве обвиняемого. В остальном можно отметить, что в законе напрямую не раскрываются права и обязанности подозреваемого.

Спорные аспекты применения норм о подозреваемом лице удалось разрешить в 1937 году, когда Генеральный прокурор СССР издал Циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26 «О повышении качества расследования». По смыслу данного документа такой процессуальный статус как подозреваемый исчезал из уголовного судопроизводства, поскольку теперь нельзя было именовать допрашиваемое лицо подозреваемым.

Вопросы привлечения лица в качестве подозреваемого стали вновь обсуждаться в научной среде в середине 50-х годов прошлого века. В частности, возникали вопросы относительно того, кого необходимо было признавать подозреваемым и какими именно правами необходимо их наделять. Возвращение статуса подозреваемого приходится на 1958 год, когда были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В рамках данного документа мы можем встретить несколько упоминаний подозреваемого. Например, в статье 16 указано, что фактические данные, выступающие доказательствами по делу, могут быть подтверждены показаниями подозреваемого. В статье 32 были отражены особенности

задержания подозреваемого в совершении преступления. Норма закрепляла основание, при наличии которых подозреваемый мог быть задержан. Кроме того, в статье было установлено следующее: «О всяком случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания или следователь обязаны составить протокол с указанием оснований и мотивов задержания и в течение двадцати четырёх часов сделать об этом сообщение прокурору» [16]. То есть, теперь законодатель закрепил особенности процессуального оформления задержания подозреваемого, обозначил сроки такого оформления, а также закрепил право подозреваемого обжаловать незаконное задержание. Однако, без внимания, по-прежнему оставался вопрос относительно понимания понятия подозреваемый.

Легальное определение понятия «подозреваемый» нашло свое закрепление в тексте Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1961 года. В тексте документа была предусмотрена статья 52, которая имела одноименное название «Подозреваемый». Так, «Подозреваемым признается: лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления; лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения» [30]. Отдельно можно добавить, что впервые за подозреваемым закреплялся перечень его прав. Подозреваемый мог давать объяснения, заявлять ходатайства, приносить жалобы на действия и решения лица, производящего дознание, следователя, прокурора. В целом мы можем отметить, что закрепление данной статьи внесло огромный вклад в формирование и развитие института подозреваемого в уголовном судопроизводстве. Помимо этого, в документе было закреплено право подозреваемого предоставлять доказательства, знать, в совершении какого преступления он подозревается, особенности производства допроса подозреваемого, гарантии удовлетворения ходатайств подозреваемого, а также некоторые особенности привлечения подозреваемого для участия в других следственных действиях.

В целом можно отметить, что именно в таком виде институт подозреваемого в уголовном процессе сохранится до конца советского

периода. Еще одно существенное нововведение будет закреплено в последние годы существования СССР с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве 1989 года. В статье 14 законодатель определил, что «подозреваемый имеет право на защиту. Это право обеспечивается путем участия защитника с момента задержания, ареста...» [15]. Сущность данной нормы обусловлена тем обстоятельством, что законодательство СССР на последнем этапе существования государства подверглось постепенной демократизации, которая окажет свое полноценное влияние уже на этапе формирования законодательства Российской Федерации. Поэтому законодатель закрепляет презумпцию невиновности, а также обусловленное данным принципом право подозреваемого активно защищать свои права и свободы в рамках уголовного судопроизводства.

В завершении темы данного параграфа мы можем сделать следующий вывод. Долгое время законодатель не уделял внимания институту подозреваемого. В рамках дореволюционного этапа мы практически не встречаем упоминаний подозреваемого в тексте уголовно-процессуального закона. В тех же случаях, когда законодатель использовал данное понятие, говорить о самостоятельности данного процессуального статуса было нельзя, поскольку зачастую подозреваемый и обвиняемый отождествлялись. В рамках советского этапа длительное время также статус подозреваемого не имел необходимой правовой регламентации, а в отдельный промежуток времени был вовсе исключен из уголовного процесса. Ситуация начала меняться в 50-х годах прошлого столетия, когда законодатель закрепил понятие и основные права подозреваемого. Именно эти нормы послужили основой для формирования целостного института подозреваемого и в дальнейшем были использованы в качестве основы для законодательства об уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

1.2 Понятие и признаки подозреваемого в уголовном судопроизводстве

Подозреваемый – это особый участник правоотношений, он еще не признан виновным в совершении преступления, однако, уже возможно применение к нему отдельных принудительных мер, нацеленных на достижение интересов правосудия. Но только на соответствующих основаниях и в установленном законом порядке. Поэтому правовое регулирование таких ограничений, обязанностей подозреваемого, не менее важно, чем регламентация его прав.

Фигура подозреваемого в уголовном процессе необходима для выявления его отношения к сформировавшемуся подозрению, проверки выдвигаемых им версий и доводов, и только при наличии дополнительных, самостоятельных оснований и мотивов к нему, как к уже «сформировавшемуся участнику» уголовного процесса, могут быть применены меры процессуального принуждения.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс содержит отдельную статью 46, в которой раскрывается определение понятия «подозреваемый». «Подозреваемым является лицо:

- либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 настоящего Кодекса;
- либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса;
- либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса;
- либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 настоящего Кодекса» [31].

Анализируя законодательное определение, можно обратить внимание на его несовершенство с точки зрения полноты характеризующих признаков.

Обращая внимание на его структуру, мы видим, что оно ограничивается ссылками на отдельные этапы процессуальной деятельности. В этой связи считаем необходимым обратиться к позициям ученых-юристов, которые разрабатывали в своих исследованиях различные вариации определения рассматриваемого понятия. Так, в работе П.В. Фадеева можно встретить следующую попытку раскрыть понятие «подозреваемый». «Лицо, вовлеченное в уголовное судопроизводство в связи с проверкой его на причастность к совершенному деянию» [33, с. 227]. Проблема данного определения, на наш взгляд, заключается в том, что в нем отсутствуют юридические критерии надления статусом, а также особенности, позволяющие разграничить подозреваемого и иных участников уголовного судопроизводства. Например, на практике нередкими являются ситуации, когда лицо выступает сначала в качестве свидетеля, поскольку у следователя или дознавателя имеются предположения относительно его участия в совершении преступления, а уже потом приобретают статус подозреваемого. Однако, по смыслу данного определения, заподозренное лицо в статусе свидетеля также будет являться подозреваемым, что противоречит представленному выше легальному определению.

В работе С.А. Яковлевой и А.И. Виноградовой анализируется следующее определение. «Подозреваемым следует считать лицо, в отношении которого следователем (дознавателем) по находящемуся в его производстве уголовному делу выдвинуто и изложено в определенных процессуальных документах обоснованное предположение о совершении этим лицом преступления и предприняты определенные процессуальные действия, направленные на его изобличение» [35, с. 52]. Основополагающим признаком данного определения является указание на то, что в основе подозрения лежит обоснованное предположение о совершении лицом преступления. Если мы проанализируем каждое из обстоятельств, обозначенных в части первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса, то вполне можем согласиться с автором относительно того факта, что для получения статуса подозреваемого

уполномоченному вести расследование лицу необходимо иметь фактические обстоятельства, позволяющие сделать вывод о причастности к совершению преступления.

Другой сущностный признак определяется тем, что подозреваемый, приобретая свой статус, наделяется рядом прав и обязанностей. Обязанности имеют правоограничительный характер, поскольку для достижения целей уголовного процесса отдельные права личности необходимо ограничить. Права подозреваемого предоставляются ему с целью обеспечить его участие в рамках уголовного процесса, предоставить ему необходимый набор инструментов в рамках реализации его конституционных прав и свобод.

Учитывая все вышеизложенное, мы можем предложить следующее понятие подозреваемого в уголовном процессе. Подозреваемый – физическое лицо, вовлеченное в уголовный процесс на основании обоснованного предположения следователя или дознавателя, а также одного из обстоятельств, перечисленных в части первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса, с целью установить его причастность к совершенному преступлению, наделенное правами и обязанностями в соответствии с законодательством об уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, представленное определение наиболее полно раскрывает сущность исследуемого понятия, а также содержит его основные признаки.

Обобщая все вышеизложенное в рамках данной главы, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, долгое время законодатель не уделял внимания институту подозреваемого. В рамках дореволюционного этапа мы практически не встречаем упоминаний подозреваемого в тексте уголовно-процессуального закона. В тех же случаях, когда законодатель использовал данное понятие, говорить о самостоятельности данного процессуального статуса было нельзя, поскольку зачастую подозреваемый и обвиняемый отождествлялись. В рамках советского этапа длительное время также статус подозреваемого не имел необходимой правовой регламентации, а в отдельный промежуток времени

был вовсе исключен из уголовного процесса. Ситуация начала меняться в 50-х годах прошлого столетия, когда законодатель закрепил понятие и основные права подозреваемого. Именно эти нормы послужили основой для формирования целостного института подозреваемого и в дальнейшем были использованы в качестве основы для законодательства об уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Во-вторых, действующее законодательство содержит легальное определение понятия «подозреваемый» в части первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса. Однако, определение ограничивается отсылками на отдельные этапы процессуальной деятельности. В связи с этим нами было предложено следующее определение. Подозреваемый – физическое лицо, вовлеченное в уголовный процесс на основании обоснованного предположения следователя или дознавателя, а также одного из обстоятельств, перечисленных в части первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса, с целью установить его причастность к совершенному преступлению, наделенное правами и обязанностями в соответствии с законодательством об уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, представленное определение наиболее полно раскрывает сущность исследуемого понятия, а также содержит его основные признаки.

Глава 2 Правовой статус подозреваемого в уголовном судопроизводстве и основания его возникновения

2.1 Основания возникновения статуса подозреваемого

Возникновение процессуального статуса подозреваемого на первый взгляд обусловлено теми основаниями, которые предусмотрены частью первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Однако, нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что одно из процессуальных решений, обозначенных в законе, принимается на основе фактических данных. В связи с этим основания возникновения статуса подозреваемого, как правило, делят на две группы: материальные и процессуальные основания. Материальные основания представляют собой совокупность фактических данных, на основе которых у лица, уполномоченного вести расследование, возникло подозрение о причастности лица к совершению преступления. Процессуальные или юридические основания обусловлены конкретными процессуальными решениями, которые выносятся уполномоченными лицами. Можно отметить, что обе группы являются равнозначными и находятся в прямой зависимости друг от друга. При отсутствии материальных оснований, наличие процессуальных оснований незаконно и противоречит принципу объективной оценки обстоятельств. При наличии только материальных оснований, лицо не может быть признано подозреваемым в силу отсутствия обозначенных в законе обстоятельств. То есть, для вовлечения лица в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого обязательно наличие оснований, принадлежащих к обеим группам.

На сегодняшний день весьма дискуссионным является вопрос относительно того, какая совокупность данных может считаться достаточной для того, чтобы выступать в качестве материального основания признания лица подозреваемым. Обращаясь к научной литературе, мы можем встретить различные точки зрения относительно данного вопроса.

«Для формулирования подозрения достаточно будет наличия одного из признаков преступления, в первую очередь противоправности, виновности. Установлению подлежат событие преступления и лицо, к нему причастное. Применительно к событию преступления необходимо выяснить следующие обстоятельства: время, место, способ совершения преступления, ибо провозглашается официальное подозрение, оно разъясняется лицу и предоставляется возможность давать по этому поводу объяснения, показания. Сформулировать подозрение возможно также при выяснении данных, указывающих на наличие конкретного лица, причастного именно к этому преступлению, в отношении которого и формулируется подозрение» [28, с. 67]. Иная точка зрения выглядит следующим образом. «Достаточной в данном случае следует считать такую совокупность доказательств, которая позволяет с некоторой степенью вероятности установить: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), кроме, например, отдельных обстоятельств совершения преступления (например, может быть пока не установлено время или место совершения преступления); причастность лица к совершению преступления; виновность лица в совершении расследуемого деяния (кроме, например, конкретной формы вины и мотивов)» [12, с. 105].

На наш взгляд, нельзя однозначно определить, совокупность каких конкретных данных необходимо иметь, чтобы принять решение относительно причастности лица к совершению преступления. Во-первых, совокупность таких данных не должна быть абсолютно-определенной, то есть, указывать, что именно это лицо совершило преступление. В этом случае говорить необходимо не о подозрении, а о обвинении в совершении преступления. Во-вторых, данные должны формировать предположение относительно того, что лицо замешано в совершении преступления. Здесь необходимо исходить из конкретных обстоятельств дела. Такими данными могут быть: нахождение лица на месте преступления, наличие у лица каких-либо предметов, которых потерпевший лишился в момент совершения преступления, наличие вражды

между потерпевшим и потенциальным подозреваемым, при отсутствии алиби у последнего на момент совершения преступления и так далее. С учетом высокой вариативности невозможно прописать в законе четкие критерии относительно объективных обстоятельств, поскольку в каждом конкретном случае следователь (дознатель) приходит к такому выводу на основе личных умозаключений, исходя из имеющихся данных.

Далее рассмотрим процессуальные основания, предусмотренные частью первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Первое процессуальное основание – возбуждение в отношении лица уголовного дела в порядке главы 20 Уголовно-процессуального кодекса. То есть, с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, в котором содержится указание на конкретное лицо, такое лицо приобретает статус подозреваемого. При этом на практике данное основание применяется не так часто. Проводимый в рамках данного вопроса статистический анализ указывает на то, что лицо приобретает статус подозреваемого по данному основанию не более чем в 30% случаев. «Так, обобщая материалы 600 уголовных дел, было выявлено только 30% тех, которые допустимо было возбуждать в отношении конкретного лица, что фактически было сделано по 198 из них. Еще более неутешительную статистику предоставляет другой автор, указывая, что из изученных 200 уголовных дел всего 38 (19 %) были возбуждены в отношении конкретного лица» [7, с. 65].

Объяснить результаты статистического анализа, на наш взгляд, можно следующим образом. Во-первых, зачастую в ходе проверки сообщения о преступлении и возбуждении уголовного дела у правоприменителя отсутствует информация относительно лица, которое его совершило. Во-вторых, зачастую правоприменитель, имея хотя бы косвенные подозрения в отношении конкретного лица, не указывает его в постановлении о возбуждении уголовного дела, ориентируясь на то, что в этом случае ход расследования будет двигаться вокруг конкретного субъекта, что может негативно сказаться и создать заблаговременное мнение относительно

причастности именно этого лица. При этом мы не можем отрицать целесообразность наличия указанного основания в тексте уголовно-процессуального закона. Правоприменительная практика указывает на то, что следователи и дознаватели все же применяют данную норму для признания лица подозреваемым, поэтому низкие, по мнению ряда авторов, показатели применения указанной нормы не подтверждают, что она «мертва» и не находит своей реализации.

Следующее процессуальное основание – задержание лица в порядке, предусмотренном статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса. В рамках статьи 91 «орган дознания, дознаватель, следователь обладают правом задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований:

- «когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления» [31].

Кроме того, «при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет места жительства или места пребывания, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу» [31].

Необходимо понимать, что в случае, когда лицо застигнуто в момент совершения преступления или сразу после него, требуется наличие первоисточника указанных данных. Так, «в ходе допроса свидетель Р. дал показания о том, что он с балкона своей квартиры наблюдал во дворе дома

конфликт между С. и Д., в ходе которого С. нанес Д. удар ножом в живот. Поскольку свидетель Р. указал на С. как на лицо, совершившее преступление, С. был задержан в порядке ст. 91 УПК РФ» [22]. То есть, если источником данных являются показания, то требуется лицо, которое было очевидцем событий. В ином случае, когда лицо знает о произошедшем со слов третьих лиц, его показания, не могут рассматриваться в качестве основания для задержания.

Другое основание заключается в обнаружении следов преступления. Причем законодатель достаточно четко определяет объект-источник таких следов. В их число входят: тело, одежда, в наличии у него, а также в его жилище. Однако, на наш взгляд, указанный перечень требует корректировки. Зачастую преступник может скрывать улики, связанные с совершением преступления, в различных местах. Какие-то места не могут быть включены в уголовно-процессуальное законодательство, поскольку имеют двоякую субъективную привязку. Например, если преступник прячет орудия преступления, похищенное или иные предметы в жилище близких родственников, соседей или друзей. В данных обстоятельствах, в случае обнаружения, могут возникнуть сомнения относительно того, кому они принадлежат на самом деле. Однако, в том случае, если лицо скрывает предметы, связанные с совершением преступления, не в жилище, но в другом принадлежащем ему имуществе, например, в гараже, на даче, на работе, а также в личном автомобиле, сомнений относительно субъективной привязки возникнуть не должно. В связи с этим мы считаем целесообразным изменить пункт третьей части первой статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса следующим образом: «когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище, а также другом принадлежащем ему имуществе будут обнаружены явные следы преступления». Это позволит расширить перечень объектов, в которых лицо может хранить предметы, относящиеся к преступлению, что, на наш взгляд, положительно скажется на первоначальных этапах расследования.

Третье процессуальное основание – применение меры пресечения до предъявления обвинения. Здесь мы сталкиваемся с законодательной коллизией, которая заключается в следующем. Исходя из смысла части первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса, лицо приобретает статус подозреваемого при наличии оснований, перечисленных в части первой указанной статьи. При этом пункт третий части первой отсылает нас к статье Уголовно-процессуального кодекса, где предусмотрено следующее. «В исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого» [31]. То есть, еще до применения меры пресечения законодатель именуется лицо подозреваемым. Таким образом, только при применении меры пресечения лицо становится подозреваемым, но еще до ее применения лицо уже считается подозреваемым, что, по сути, создает противоречия между указанными положениями закона. Это обстоятельство указывает на то, что законодателю сложно обозначить статус лица, которое формально не приобрело статус подозреваемого, но в силу материальных обстоятельств уже заподозрено следователем или дознавателем. Это отсылает нас к дискуссии, которая долгое время ведется среди ученых-процессуалистов, относительно необходимости закрепить промежуточный статус заподозренного [17, с. 187]. Мы негативно оцениваем данную позицию и не видим необходимости перегружать уголовно-процессуальное законодательство дополнительными терминами, поскольку в должной степени не удастся раскрыть понятие подозреваемый. Для решения обозначенной проблемы мы предлагаем представить часть первую статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса: «В исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, мера пресечения может быть избрана в отношении лица, относительно которого у следователя или дознавателя имеется достаточная совокупность данных для его

подозрения». В этом случае мы исключим из текста уголовно-процессуального закона описанную выше коллизию, а также обойдемся без необходимости внедрять в процесс статус заподозренного.

Рассмотрев положения пунктов 1-3 части первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса, следует обратить внимание на следующую точку зрения. «Общим недостатком указанных в пунктах 1-3 части 1 ст. 46 УПК РФ оснований является то, что уголовно преследуемое лицо приобретает статус подозреваемого через процессуальные действия, процессуальное принуждение, процессуальное решение, т. е. сначала оно ограничивается в своих правах и лишь затем становится подозреваемым. Задержание лица по подозрению в совершении преступления, избрание меры пресечения в отношении подозреваемого используются одновременно как способы легализации и подозрения, и подозреваемого в уголовном судопроизводстве. Однако приобретение лицом статуса подозреваемого должно опережать применение мер принуждения, последние должны следовать за возникшим подозрением, не принуждение порождает подозрение, а наоборот, подозрение должно влечь применение мер принуждения, которое, в свою очередь, должно быть следствием признания лица подозреваемым» [27, с. 203]. Мы разделяем данную точку зрения. Законодатель выстраивает норму таким образом, что первоначально к лицу могут применяться меры государственного принуждения, а уже после этого оно наделяется статусом подозреваемого. Однако, фактически, сначала у следствия и дознания появляются материальные основания, то есть, совокупность данных, позволяющих заподозрить лицо. По сути, описанные выше основания не могут рассматриваться в качестве формы возникновения подозрения. Например, возбуждение уголовного дела имеет целью ознаменовать начало официального расследования преступления и уголовного преследования, задержание в свою очередь преследует целью пресечь дальнейшую преступную деятельность лица, а также исключить возможность сокрытия лица от органов дознания или предварительного следствия. Признавать подозрение в качестве

закономерного последствия указанных процессуальных решений, на наш взгляд, некорректно. Скорее само по себе подозрение является причиной, а уже указанные процессуальные действия – его следствием. По своей сути, меры принуждения должны применяться исключительно к лицам, обладающим конкретным процессуальным статусом. Применение таких мер в отношении лиц, не обладающим конкретным статусом, ограничивает возможность лица в должной степени обеспечить защиту своих прав и законных интересов.

Четвертое основание – получение уведомления о подозрении в совершении преступления. В первую очередь следует отметить, что данное основание применимо только для расследования преступления в форме дознания. «Думается, что законодатель попытался совместить в процедуре уведомления о подозрении не только наделение лица статусом подозреваемого, но и выдвижение против него предположительного тезиса о совершении им преступления, который ранее детерминировался нами как подозрение» [9, с. 169]. Мы разделяем позицию автора по данному вопросу. Уведомление о подозрении является тем самым процессуальным актом, который отвечает двум основным, на наш взгляд критериям возникновения статуса подозреваемого. Во-первых, в основе него лежит совокупность данных, достаточных для формирования вывода о причастности лица к совершению преступления. Во-вторых, уведомление соответствует описанной нами выше логике. То есть, сначала уполномоченное лицо выносит процессуальный документ, а его следствием является наделение лица статусом подозреваемого, что уже позволяет применять в отношении него меры принуждения. Мы придерживаемся мнения, что необходимо распространить возможность вынесения уведомления о подозрении лица в совершении преступления на все формы производства предварительного расследования.

В завершении темы данного параграфа нами были сделаны следующие выводы.

Во-первых, мы считаем целесообразным изменить пункт третьей части первой статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса следующим образом:

«когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище, а также другом принадлежащем ему имуществе будут обнаружены явные следы преступления». Это позволит расширить перечень объектов, в которых лицо может хранить предметы, относящиеся к преступлению, что, на наш взгляд, положительно скажется на первоначальных этапах расследования.

Во-вторых, мы предлагаем представить часть первую статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса: «В исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, мера пресечения может быть избрана в отношении лица, относительно которого у следователя или дознавателя имеется достаточная совокупность данных для его подозрения». В этом случае мы исключим из текста уголовно-процессуального закона описанную выше коллизию, а также обойдемся без необходимости внедрять в процесс статус заподозренного.

В-третьих, мы придерживаемся мнения, что необходимо распространить возможность вынесения уведомления о подозрении лица в совершении преступления на все формы производства предварительного расследования.

2.2 Процессуальная регламентация приобретения статуса подозреваемого

В предыдущем параграфе мы проанализировали закрепленные в законе основания приобретения статуса подозреваемого. Поскольку каждый из них имеет самостоятельный характер, им характерны свои особенности процессуальной регламентации. В рамках данного параграфа мы рассмотрим, какие процессуальные документы выносятся следователем (дознавателем) в зависимости от того или иного основания, а также какие данные должны быть указаны в них.

Для такого основания как возбуждение уголовного дела предусмотрен различный характер процессуальной регламентации. Это обусловлено тем

обстоятельством, что уголовные дела разделяются на три категории: частного обвинения, частно-публичного обвинения, публичного обвинения. Дела публичного обвинения возбуждаются при наличии повода и основания по инициативе следователя или дознавателя путем вынесения соответствующего постановления. Дела частно-публичного обвинения возбуждаются в аналогичном порядке, однако, требуется заявление потерпевшего или его законного представителя. Дела публичного обвинения возбуждаются мировым судьей по инициативе потерпевшего или его представителя. При принятии заявления мировой суд выносит постановление о возбуждении уголовного дела. В постановлениях о возбуждении уголовного дела должны быть указаны дата, время, место, событие совершения преступления, повод и основание возбуждения уголовного дела. Постановление суда должно содержать в себе чуть больше данных, а именно, наименование суда, список лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей, данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности.

В случае задержания лица уже постфактум (в течении трех часов с момента задержания) составляется протокол задержания. «В протоколе указываются дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания» [31], а также делается отметка о том, что подозреваемому были разъяснены его права. Ряд авторов обращает внимание на то обстоятельство, что процессуальное оформление задержания в виде соответствующего протокола некорректно. Так, в исследовании под авторством С.Б. Россинского высказана следующая позиция. «Публично-правовые акты-решения в досудебном производстве по всем канонам и традициям уголовно-процессуального права оформляются иными документами – постановлениями. Всякая прочая, помимо задержания, мера уголовно-процессуального принуждения применяется на основании соответствующего постановления следователя или суда» [23, с. 155]. На наш взгляд, здесь автором допускается ошибка, поскольку он сравнивает протокол

задержания с другими документами, которые выносятся до совершения процессуального действия. Протокол задержания составляется уже после фактического применения меры принуждения на основании соответствующего поручения. Протокол же является вполне закономерным итогом того или иного процессуального действия, например, протокол следственного действия.

«Об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания этой меры пресечения» [31].

Процессуальная регламентация уведомления о подозрении в совершении преступления производится в соответствии с положениями статьи 223.1 Уголовно-процессуального кодекса. «В уведомлении о подозрении в совершении преступления должны быть указаны:

- дата и место его составления;
- фамилия, инициалы лица, его составившего;
- фамилия, имя и отчество подозреваемого, число, месяц, год и место его рождения;
- описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1 и 4 части первой статьи 73 Кодекса;
- пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление;
- при наличии данных, дающих основание подозревать лицо в совершении нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, в уведомлении о подозрении в совершении преступления должно быть указано, в совершении каких деяний данное лицо подозревается по каждой из этих норм уголовного закона» [31].

Кроме того, помимо самого уведомления о подозрении, составляется протокол о вручении уведомления и разъяснению подозреваемому его прав. Отдельными авторами обращается внимание на следующее обстоятельство. «Не совсем ясна роль протокола, составляемого при вручении копии уведомления. Все фиксируемые в нем сведения вполне укладываются в более функциональный протокол допроса» [24, с. 78]. На наш взгляд, в данном случае автор проводит аналогию с предъявлением обвинения, где отсутствует промежуточное звено в виде протокола. Однако, мы должны учитывать следующее обстоятельство. В случае с обвинением допрос проводится немедленно, а в случае с уведомлением о подозрении допрос должен быть проведен в течении трех дней с момента вручения документа. В силу значительного промежутка времени законодатель закрепляет дополнительный документ – протокол. При этом «не совсем понятно, какие дополнительные гарантии прав несет протокол. Зато ясно видно, что он несет за собой дополнительную трату материальных средств и времени» [13, с. 69]. На наш взгляд, протокол в данном случае несет в данном случае служит подтверждением того факта, что подозреваемый ознакомлен со своими правами и понимает, какие средства защиты предоставил ему законодатель. Его отсутствие означало бы, что лицо приобрело процессуальный статус, но не может в полной степени обеспечить свою защиту, поскольку в силу тех или иных причин не имеет представления о своих возможностях в рамках уголовного судопроизводства.

В завершении темы данного параграфа мы можем отметить следующее. В целом вопросы процессуальной регламентации статуса подозреваемого достаточно проработаны в действующем законодательстве. Среди ученых-процессуалистов есть споры относительно таких документов, как протокол задержания, а также протокол о вручении уведомления о подозрении в совершении преступления и разъяснению подозреваемому его прав. Относительно первого документа нами было отмечено, что протокол задержания составляется уже после фактического применения меры

принуждения на основании соответствующего поручения. Протокол же является вполне закономерным итогом того или иного процессуального действия, например, протокол следственного действия. Относительно второго документа мы придерживаемся следующей позиции. В силу значительного промежутка времени законодатель закрепляет дополнительный документ – протокол. Кроме того, протокол в данном случае несет в данном случае служит подтверждением того факта, что подозреваемый ознакомлен со своими правами и понимает, какие средства защиты предоставил ему законодатель. Его отсутствие означало бы, что лицо приобрело процессуальный статус, но не может в полной степени обеспечить свою защиту, поскольку в силу тех или иных причин не имеет представления о своих возможностях в рамках уголовного судопроизводства.

2.3 Права и обязанности подозреваемого в отечественном уголовном процессе

Права подозреваемого закреплены в части четвертой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса. Законодатель наделил подозреваемого следующими правами:

- «знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения;
- давать объяснения и показания по поводу, имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний. При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний;
- пользоваться помощью защитника и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого. Свидания

подозреваемого, содержащегося под стражей в следственном изоляторе, с защитником могут проводиться по заявлению подозреваемого с согласия защитника путем использования систем видео-конференц-связи при наличии технической возможности и соответствующих помещений, а также при условии соблюдения конфиденциальности таких свиданий и сохранения адвокатской тайны;

- с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности. При этом запрещается совершение нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом;
- представлять доказательства;
- заявлять ходатайства и отводы;
- давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет;
- пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания;
- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда;
- защищаться иными средствами и способами, не запрещенными Кодексом» [31].

Реализации конкретных прав характерен ряд проблемных аспектов, которые создают определенные сложности для подозреваемого. Так, в работе В.С. Ганага отмечается, что «право представлять доказательства не может быть реализовано в полной мере, а норма УПК РФ о том, что подозреваемый вправе представлять доказательства, является мертвой, не осуществляющейся в практической деятельности» [5, с. 15]. Нам видится, что автор приходит к такому выводу, поскольку реализация указанного права происходит посредством реализации права на заявление ходатайств. То есть, если подозреваемый считает необходимым приобщить к материалам дела в качестве доказательств тот или иной предмет или документ, то ему необходимо заявить об этом ходатайство перед следователем или дознавателем. Уполномоченный субъект изучает и анализирует заявленное ходатайство, после чего принимает решение о приобщении или отказе в приобщении к материалам уголовного дела. Зависимость приобщения доказательств от воли следователя и дознавателя, по мнению автора, указывает на то, что соответствующее право не может быть полноценно реализовано. На наш взгляд, данная точка зрения не совсем корректна. Законодатель указывает, что подозреваемый обладает правом именно представлять доказательства, но в его полномочия не входит приобщение доказательств к материалам уголовного дела. Поэтому называть указанное положение «мертвым» и не реализуемой на практике некорректно и ошибочно.

Отдельные авторы, рассматривая права подозреваемого, обращают внимание на «отсутствие четкого механизма надлежащего информирования подозреваемого о существующем подозрении и принадлежащих ему процессуальных правах, т. е. не ясно, когда лицо, производящее расследование, обязано разъяснить подозреваемому его права, а также обеспечить их реализацию. Таким образом, нарушается закрепленный в ч. 1 ст. 11 УПК РФ принцип уголовного судопроизводства об обязанности следователя не только разъяснить подозреваемому, как участнику уголовного судопроизводства, его права, обязанности и ответственность, но и обеспечить возможность

осуществления этих прав» [4, с. 76]. В целом мы разделяем данную позицию. Отсутствие четких сроков реализации указанного права, создает условия, при которых подозреваемый не имеет должных условий для защиты своих прав в рамках уголовного процесса, поскольку не имеет необходимых правовых знаний, относительно предоставленных ему законом инструментов защиты. На наш взгляд, необходимо указать, что подозреваемый обладает правом знать в чем он подозревается, а также о предусмотренных данным статусом правах и обязанностях в срок, предусмотренный законом, а случае их отсутствия, в разумный срок.

Следует отметить, что реализации права на пользование помощью переводчика также имеет ряд проблемных аспектов. В первую очередь исследователи указывают на сложность поиска переводчика за пределами областных центров. «89,7 % респондентов отметили серьезные затруднения в привлечении переводчика вне областного центра субъекта Российской Федерации, отвечающего положениям части 1 статьи 59 УПК РФ, а именно: свободное владение языком, знание которого необходимо для перевода. При этом необходимо учитывать, что переводчик должен свободно владеть языком, на котором ведется производство по уголовному делу» [19, с. 33]. Данная проблема вполне обоснована тем обстоятельством, что квалифицированные переводчики вынуждены осуществлять свою деятельность в крупных городах, где потребность в их услугах позволяет существовать в условиях конкуренции. Для решения обозначенной проблемы мы предлагаем использовать современные технологии, а именно закрепить особенности участия переводчика в уголовном судопроизводстве при помощи систем видеоконференц-связи. Такое решение позволит сократить задержки предварительного расследования, вызванные необходимостью поиска переводчика, обладающего знанием соответствующего языка и диалекта.

Еще один проблемный аспект реализации указанного права заключается в том, что по смыслу закона переводчик должен свободно владеть языком, перевод которого требуется в рамках конкретного уголовного дела. Критерий

«свободное владение языком», во-первых, весьма субъективен для оценки, а во-вторых, не отражает необходимости знания юридических терминов. Можно сослаться на тот факт, что юридическую помощь должен оказывать защитник, именно в его компетенции находится разъяснение всех необходимых правовых нюансов дела. Однако, если переводчик не имеет представления о специфике правовой терминологии другого языка, может возникнуть ситуация, когда его перевод окажется ошибочным и негативно скажется на интересах подозреваемого. Сложность здесь заключается в том, что на сегодняшний день практически невозможно удовлетворить потребность в переводчиках, которые бы обладали не просто знанием языка, но и углубленным пониманием юридических терминов. В связи с этим мы делаем общий вывод, что реализации права на участие переводчика характерен ряд сложностей, вызванных отсутствием переводчиков, обладающих необходимыми знаниями языка.

С анализом обязанностей подозреваемого ситуация обстоит несколько сложнее, поскольку в статье 46 Уголовно-процессуального кодекса отсутствует перечень обязанностей, по аналогии со списком его прав. Отчасти данный вопрос систематизирован в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». В статье 36 раскрываются основные обязанности подозреваемого:

- «соблюдать порядок содержания под стражей, установленный настоящим Федеральным законом и правилами внутреннего распорядка;
- выполнять законные требования администрации мест содержания под стражей;
- соблюдать требования гигиены и санитарии;
- соблюдать правила пожарной безопасности;
- бережно относиться к имуществу мест содержания под стражей;
- проводить уборку камер и других помещений в порядке очередности;

- не совершать действий, унижающих достоинство сотрудников мест содержания под стражей, подозреваемых и обвиняемых, а также других лиц;
- не препятствовать сотрудникам мест содержания под стражей, а также иным лицам, обеспечивающим порядок содержания под стражей, в выполнении ими служебных обязанностей;
- не совершать умышленных действий, угрожающих собственной жизни и здоровью, а также жизни и здоровью других лиц» [34].

Однако, перечень обозначенных обязанностей ограничен своей спецификой, которая заключается в применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Но в рамках процесса подозревает рядом общих обязанностей. В научной литературе можно встретить различные предложения относительно законодательного закрепления обязанностей подозреваемого. Так, Р.Д. Кожоназаров предлагает в качестве обязанности закрепить следующее «предоставлять документы, которые будут использоваться в ходе расследования или судебного процесса» [11, с. 112]. В этом случае мы не разделяем позицию автора, поскольку те или иные документы могут изобличать лицо в совершении преступления. Если бы такая обязанность была элементом статуса подозреваемого, тогда это бы противоречило принципу презумпции невиновности. С другой стороны, документы могут являться доказательствами, а предоставление доказательств является правом подозреваемого. Соответственно, такая обязанность противоречит положениям уголовно-процессуального законодательства.

В качестве еще одной обязанности упоминается не использовать свои права для задержания процедуры в целях затягивания судебного процесса [25, с. 9]. Подобное правило вполне обосновано, однако, какой-либо практической ценности не имеет. Объясним на примере рассмотренного нами права на бесплатную помощь переводчика. Практика знает ряд случаев, когда подозреваемый для затягивания процесса ходатайствует о замене переводчика, поскольку он не владеет каким-то определенным диалектом языка. В этом

случае, уполномоченное вести расследование лицо, как правило, отказывает в удовлетворении ходатайства. При обжаловании отказа в суде, тот, как правило, встает на сторону следователя, дознавателя, если придет к мнению о том, что действия подозреваемого намеренно затягивают предварительное расследование по уголовному делу. Такое поведение именуется злоупотреблением правом. Проблема кроется в том, что формальное закрепление такой обязанности не будет иметь практической ценности. Какие-либо последствия, например, по аналогии с гражданским правом, где в случае злоупотребления правом лицо лишается возможность на его использование, в рамках уголовного процесса закрепить не представляется возможным, поскольку в этом случае подозреваемый утратит полноценный «арсенал инструментов» для своей защиты. Кроме того, весьма проблематично будет доказывать факт злоупотребления, поскольку такое поведение имеет тонкую грань с обычной попыткой реализовать весь перечень своих прав.

Еще одно предложение высказано в работе Е.Н. Петухова, где автор предлагает закрепить в качестве обязанности отказ в продолжении преступной деятельности [18, с. 115]. В этом случае мы опять сталкиваемся с вполне очевидным предложением, но совершенно лишенным логики. Любая преступная деятельность запрещена законом, по сути, обязанность не нарушать правовые нормы является постулатом позитивной юридической ответственности. То есть, любое лицо априори обязано не совершать правонарушения, в том числе и преступления. Поэтому наделение лица статусом подозреваемого никак не влияет на исполнение данной обязанности. В связи с этим закрепление подобного положения кажется нам нецелесообразным и безосновательным.

На наш взгляд, при систематизации обязанностей подозреваемого, необходимо ориентироваться на соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса. Например, в статье 112 закреплены обязательства о явке, в статье 179 закреплен обязательный характер участия подозреваемого в освидетельствовании, в статье 202 закреплена обязанность подозреваемого

предоставить образцы для сравнительного исследования и так далее. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства мы предлагаем дополнить статью 46 Уголовно-процессуального кодекса частью пятой. Мы предлагаем представить ее в следующей редакции: «Подозреваемый обязан:

- своевременно являться по вызову дознавателя и следователя;
- не уклоняться от представителей органов предварительного расследования;
- соблюдать ограничения, установленные при избрании меры пресечения;
- подчиняться законным требованиям уполномоченного лица, выдвинутых в рамках обеспечения производства следственного действия;
- соблюдать порядок судебного заседания, а также выполнять законные требования председательствующего;
- не разглашать данных предварительного расследования, если подозреваемый предупрежден в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения;
- исполнять обязанности, предусмотренные статьей 36 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Мы придерживаемся мнения, что предложенный перечень обязанностей является исчерпывающим и отражающим основные требования, предъявляемые подозреваемому в рамках уголовного судопроизводства.

В завершении темы данной главы мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, мы считаем целесообразным изменить пункт третьей части первой статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса следующим образом: «когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище, а также другом принадлежащем ему имуществе будут обнаружены явные следы преступления». Это позволит расширить перечень объектов, в которых лицо

может хранить предметы, относящиеся к преступлению, что, на наш взгляд, положительно скажется на первоначальных этапах расследования.

Во-вторых, мы предлагаем представить часть первую статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса: «В исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, мера пресечения может быть избрана в отношении лица, относительно которого у следователя или дознавателя имеется достаточная совокупность данных для его подозрения». В этом случае мы исключим из текста уголовно-процессуального закона описанную выше коллизию, а также обойдемся без необходимости внедрять в процесс статус заподозренного.

В-третьих, мы придерживаемся мнения, что необходимо распространить возможность вынесения уведомления о подозрении лица в совершении преступления на все формы производства предварительного расследования.

Отдельно нами было отмечено, что вопросы процессуальной регламентации статуса подозреваемого достаточно проработаны в действующем законодательстве. Среди ученых-процессуалистов есть споры относительно таких документов, как протокол задержания, а также протокол о вручении уведомления о подозрении в совершении преступления и разъяснении подозреваемому его прав. Относительно первого документа нами было отмечено, что протокол задержания составляется уже после фактического применения меры принуждения на основании соответствующего поручения. Протокол же является вполне закономерным итогом того или иного процессуального действия, например, протокол следственного действия. Относительно второго документа мы придерживаемся следующей позиции. В силу значительного промежутка времени законодатель закрепляет дополнительный документ – протокол.

Глава 3 Актуальные проблемы правового статуса подозреваемого в отечественном уголовном судопроизводстве и предложения по их разрешению

Статусу подозреваемого в уголовном судопроизводстве характерен ряд проблемных аспектов. Некоторые из них мы уже проанализировали ранее, но ряд вопросов требует особо внимания, поэтому мы рассмотрим их в рамках данной главы.

В первую очередь следует отметить, что статья 114 Уголовно-процессуального кодекса позволяет суду при наличии соответствующего ходатайства отстранить подозреваемого от должности. Проблема данной нормы, на наш взгляд, здесь заключается в том, что закон не устанавливает темпоральный критерий, ограничивающий применения указанной меры. То есть, суд выносит постановление об отстранении подозреваемого от должности, но при этом не указывает, на какой срок он отстраняется. Такое положение вещей создает определенные неясности, в результате чего подозреваемые обращаются в суд с жалобами по данному вопросу. Так, сторона защиты обратилась в Иркутский областной суд с целью обжаловать постановление суда об отстранении подозреваемого от должности. В качестве обоснования жалобы было указано, что в тексте судебного акта отсутствовало указание на срок, в рамках которого Б. был отстранен. Разрешая данный вопрос, суд отказал в удовлетворении жалобы, ссылаясь на тот факт, что закон не предусматривает специальных сроков. На наш взгляд, необходимо рассмотреть возможность закрепления конкретных сроков в рамках статьи 114 Уголовно-процессуального кодекса, поскольку их отсутствие создает некоторые ограничения для лица подозреваемого в совершении преступления.

На практике встречаются случаи, когда подозреваемый объявляется в розыск при отсутствии на то законных оснований. Так, «было установлено, что постановление следователя об объявлении розыска подозреваемого ФИО не отвечает требованиям. В постановлении отсутствуют сведения, на основании

которых следователь пришел к выводу о том, что скрывается от следствия, а также оценка проведенным в целях установления места нахождения обвиняемого мероприятиям, а также результаты этих мероприятий, которые бы свидетельствовали о том, что подозреваемый действительно скрылся от органов предварительного следствия. Согласно рапортам следователя ФИО, он вызывал ФИО для производства следственных действий с помощью телефонной связи, однако ФИО отказался прибыть в следственный отдел пока не получит повестку, а в последующем перестал отвечать на телефонные звонки. Исходя из представленных органами предварительного следствия материалов, усматривается, что следователь фактически какие-либо мероприятия по установлению местонахождения и розыску ФИО не проводил. Основания полагать, что результаты этих мероприятий были достаточными для вывода о том, что обвиняемый действительно скрылся от органов предварительного следствия, отсутствуют. При таких обстоятельствах судебная коллегия приходит к выводу, что подозреваемый ФИО. был объявлен в розыск при отсутствии доказательств того, что он скрылся» [10]. Анализируя данный судебный акт, мы можем сделать следующий вывод. Для объявления подозреваемого в розыск необходимо вызвать его официальной повесткой, после чего провести мероприятия по установлению местонахождения подозреваемого (проверить его местонахождение по адресу регистрации или фактическому адресу). Только в этом случае у лица, уполномоченного вести расследование, будет необходимая совокупность сведений для подтверждения того факта, что подозреваемый уклоняется и скрывается от органов предварительного расследования. В ином случае, объявление в розыск будет нарушать законные права подозреваемого. Здесь же можно отметить, что с развитием технологий и социальных сетей, следователи и дознаватели зачастую игнорируют официальные способы взаимодействия с подозреваемым, предпринимая попытки связаться с ним по телефону, мессенджеры или социальные сети. При условии активного телефонного мошенничества такой подход неприемлем, поскольку некоторые лица в целях

обмана представляются сотрудниками правоохранительных органов. В этих условиях бдительные граждане сразу прекращают контакт с лицами, которые в сообщениях или в ходе телефонного разговора представляются сотрудниками органов.

Нередкими в следственной практике являются случаи, когда следователь или дознаватель ходатайствуют о заключении подозреваемого под стражу, не имея достаточных доказательств о причастности его к преступлению, но в надежде их обнаружить, пока подозреваемый будет находиться под стражей. Так, «Постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении И. преступления. Кроме того, при принятии решения судом было учтено мнение участвовавшего в судебном заседании прокурора, который просил отказать в удовлетворении ходатайства, полагая, что представленных следователем доказательств недостаточно для вывода о причастности И. к преступлению» [14]. Необходимо понимать, что заключение под стражу является наиболее суровой мерой пресечения, используемой только в том случае, когда имеются достаточные основания полагать, что лицо причастно к совершению преступления или может скрыться от органов предварительного расследования. Применение ее в отношении лица только на основании того факта, что оно подозревается в совершении особо тяжкого преступления неприемлемо. В данном случае необходимо установить связь между подозреваемым и преступлением, что не может подтверждаться исключительно доказательствами, указывающими на само событие преступления.

В качестве одного из проблемных аспектов правового статуса подозреваемого А.Ю. Сатанина называет следующее. Подозреваемый «наделен правом на защиту с использованием всех доступных средств. Статья

46 УПК РФ упоминает о других способах и средствах, не запрещенных законом. Указание на «иное» без четкого перечисления может вводить подозреваемого в заблуждение» [26, с. 32]. В этом случае мы сталкиваемся с тем, что законодатель не конкретизирует такие способы. Основная проблема здесь заключается в том, что подозреваемый при отсутствии юридических знаний может слишком широко толковать данную норму (при этом мы учитываем, что защитники по назначению далеко не всегда оказывают качественные юридические услуги). Анализируя материалы судебной практики, мы можем сделать вывод, что, как правило, суды толкуют положение об иных способах защиты следующим образом. Например, Судебная Коллегия Московского областного суда указывает, что подозреваемый «вправе защищаться любыми средствами и способами, не запрещенными УПК РФ, в том числе не признавать свою вину на любом этапе производства по делу» [3]. Лазаревский районный суд отмечает следующее: «При этом право на защиту включает в себя право защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами, в том числе возражать против обвинения» [2]. Каких-либо иных способов защиты в рамках анализа судебной практики мы не встретили. В связи с этим мы придерживаемся мнения о необходимости, либо исключить пункт 11 части четвертой статьи 46 Уголовного кодекса, либо в скобках раскрыть, какие именно иные средства и способы доступны подозреваемому для защиты.

Другой проблемный аспект заключается в реализации права подозреваемого на телефонный звонок с целью уведомления его родственников о факте задержания. «Если подозреваемый отказывается от права на телефонный разговор, то следователь обязан сам уведомить его родственников о задержании. Возникают вопросы: надо ли понимать данное положение закона таким образом, что следователь обязан принимать необходимые меры к установлению родственников задержанного в каждом случае задержания, не принимая во внимание отказ самого задержанного? Усматривается ли в действиях следователя нарушение закона в случае, если

родственники подозреваемого установлены не будут?» [8, с. 77]. Отметим, что подобные проблемы имеют место быть в процессе правоприменительной практики. На наш взгляд, для решения данного вопроса требуется следующее. Для соблюдения баланса интересов расследования и интересов подозреваемого необходимо исключить необходимость уполномоченного лица самостоятельно разыскивать родственников подозреваемого для их уведомления (в случае его отказа). Вместо этого предлагаем закрепить обязанность уведомить территориальные органы МВД по месту прописки или фактического пребывания подозреваемого.

В завершении данной главы мы можем отметить следующее.

Во-первых, мы рекомендуем рассмотреть возможность закрепления конкретных сроков в рамках статьи 114 Уголовно-процессуального кодекса, поскольку их отсутствие создает некоторые ограничения для лица подозреваемого в совершении преступления.

Во-вторых, для соблюдения баланса интересов расследования и интересов подозреваемого необходимо исключить необходимость уполномоченного лица самостоятельно разыскивать родственников подозреваемого для их уведомления (в случае его отказа). Вместо этого предлагаем закрепить обязанность уведомить территориальные органы МВД по месту прописки или фактического пребывания подозреваемого.

Заключение

Действующее законодательство содержит легальное определение понятия «подозреваемый» в части первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса. Однако, определение ограничивается отсылками на отдельные этапы процессуальной деятельности. В связи с этим нами было предложено следующее определение. Подозреваемый – физическое лицо, вовлеченное в уголовный процесс на основании обоснованного предположения следователя или дознавателя, а также одного из обстоятельств, перечисленных в части первой статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса, с целью установить его причастность к совершенному преступлению, наделенное правами и обязанностями в соответствии с законодательством об уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, представленное определение наиболее полно раскрывает сущность исследуемого понятия, а также содержит его основные признаки.

В рамках исследования нами были разработаны следующие рекомендации, направленные на совершенствование статуса подозреваемого в уголовном процессе.

Во-первых, мы считаем целесообразным изменить пункт третьей части первой статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса следующим образом: «когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище, а также другом принадлежащем ему имуществе будут обнаружены явные следы преступления». Это позволит расширить перечень объектов, используемых в качестве места хранения предметов, относящиеся к преступлению, что, на наш взгляд, положительно скажется на первоначальных этапах расследования.

Во-вторых, мы предлагаем представить часть первую статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса: «В исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, мера пресечения может быть избрана в отношении лица, относительно которого у следователя

или дознавателя имеется достаточная совокупность данных для его подозрения». В этом случае мы исключим из текста уголовно-процессуального закона описанную выше коллизию, а также обойдемся без необходимости внедрять в процесс статус заподозренного.

В-третьих, мы придерживаемся мнения, что необходимо распространить возможность вынесения уведомления о подозрении лица в совершении преступления на все формы производства предварительного расследования.

На основе анализа уголовно-процессуального законодательства мы предлагаем дополнить статью 46 Уголовно-процессуального кодекса частью пятой. Мы предлагаем представить ее в следующей редакции: «Подозреваемый обязан:

- своевременно являться по вызову дознавателя и следователя;
- не уклоняться от представителей органов предварительного расследования;
- соблюдать ограничения, установленные при избрании меры пресечения;
- подчиняться законным требованиям уполномоченного лица, выдвинутых в рамках обеспечения производства следственного действия;
- соблюдать порядок судебного заседания, а также выполнять законные требования председательствующего;
- не разглашать данных предварительного расследования, если подозреваемый предупрежден в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения;
- исполнять обязанности, предусмотренные статьей 36 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

На наш взгляд, предложенный перечень обязанностей является исчерпывающим и отражающим основные требования, предъявляемые подозреваемому в рамках уголовного судопроизводства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абазалиев И.М. Процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе России: историко-правовой анализ // Юридические исследования. 2018. № 2. С. 46-54.
2. Апелляционное постановление Лазаревского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 06 августа 2025 г. по делу № 10-11/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Апелляционное определение СК по уголовным делам Московского областного суда от 17 апреля 2025 г. по делу № 22-3056/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
4. Вастьянова О.Д. Проблемные вопросы статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 4 (18). С. 74-76.
5. Ганага В.С. Проблемы реализации участниками уголовного судопроизводства права на собирание доказательств по уголовным делам // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1 (41). С. 12-16.
6. Демирчян В.В. Институт подозреваемого в российском уголовном процессе: история и современность // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 192-196.
7. Дудоров Т.Д. Проблемы законодательной регламентации оснований признания лица подозреваемым // Евразийская адвокатура. 2020. № 3 (46). С. 63-67.
8. Есина А.С. Деятельность следователя по обеспечению права подозреваемого на телефонный разговор при задержании // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 77-80.
9. Закирова Э.Ф. Основания признания лица в качестве подозреваемого // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2022. С. 167-172.

10. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2020 по делу № 77-1478/2020 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

11. Кожоназаров Р.Д. Права и обязанности подозреваемого в уголовном процессе // Уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы сегодняшнего дня. 2024. С. 110-114.

12. Козлова А.А. Понятие и основания появления в уголовном процессе подозреваемого // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2023. № 13. С. 105-107.

13. Козодаев А.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления: проблемные аспекты и соотношения с привлечением в качестве обвиняемого // Научные исследования. 2018. № 6 (26). С. 66-70.

14. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

15. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве 1989 года // [Электронный ресурс]. URL: <http://rubljov.sssr-rossija.ru/2014/08/26/osnovy-zakonodatelstva-sojuza-ssr-i-sojuznyh-respublik-o-sudoustrojstve/> (дата обращения: 10.06.2025).

16. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 // [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Основы_уголовного_судопроизводства_Союза_ССР_и_союзных_республик_от_25.12.1958 (дата обращения: 10.06.2025).

17. Осодоева Н.В. Необходимо ли закрепить процессуальный статус «заподозренного» в уголовном судопроизводстве? // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 187-188.

18. Петухов Е.Н. Уголовно-процессуальные обязанности подозреваемого как основа построения идеальной модели его должного поведения // Евразийский Союз Ученых. 2015. №12-4 (21). С. 115-116.

19. Пимонов Б.В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. №1 (43). С. 31-38.

20. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР // [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВЦИК_от_15.02.1923_Об_утверждении_Уголовно-Процессуального_Кодекса_Р.С.Ф.С.Р. (дата обращения: 10.06.2025).

21. Постановление Народных Комиссариатов по Внутренним делам и Юстиции. Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции // [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/31605> (дата обращения: 10.06.2025).

22. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 20 марта 2019 года по делу № 1-39/2019. // [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 10.06.2025).

23. Россинский С.Б. Протокол - лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12 (97). С. 150-165.

24. Самсонова Т.А. Уведомление о подозрении в совершении преступления как способ придания статуса подозреваемого // Вестник науки. 2020. №10 (31). С. 77-80.

25. Саперов А.И. Подозреваемый в уголовном процессе // Science Time. 2023. № 10 (117). С. 7-11.

26. Сатанина А.Ю. Проблемы реализации правового статуса подозреваемого и обвиняемого // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. № 8 (130). С. 31-33.

27. Смолькова И.В. Понятие оснований признания лица подозреваемым в российском уголовном судопроизводстве // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения. 2024. С. 201-205.

28. Сопнева Е.В. Объективные основания появления подозреваемого лица // Вестник Академии права и управления. 2016. №1 (42). С. 66-69.

29. Сопнева Е.В. Эволюция статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве // ЮП. 2010. №2. С. 75-78.

30. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1961 года // [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/15_ugproc_kodeks (дата обращения: 10.06.2025).

31. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

32. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 10.06.2025).

33. Фадеев П.В., Иванов Д.А. О понятии подозреваемого и проблемах совершенствования его процессуального статуса // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 226-230.

34. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ред. от 05.02.2025) // СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2759.

35. Яковлева С.А., Виноградова А.И. О понятии «Подозреваемый» в российском уголовном процессе // Марийский юридический вестник. 2016. № 1 (16). С. 51-54.